

Роман Камбург
Сабрес

Истории со Святой земли

Роман Камбург Сабрес. Истории со Святой земли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30082128

ISBN 9785449048431

Аннотация

В книге «Сабрес» почитайте про знаменитого шпиона Эли Коэна, о его возможной связи с Лазарем Кагановичем, про девушку Эли с её паранормальными способностями, про использование их Моссадом, про блудного сына Ахмеда, оказавшегося после службы в ЦАХАЛЕ среди головорезов-исламистов, про сына рейхсфюрера СС, прибывшего в Иерусалим за покаянием. О многих простых израильтянах – врачах и их пациентах, охранниках, про любовь, убийства, измены. И главное – про терпимость, про добро и про жертвенность.

Содержание

Предисловие автора	5
Коэны	6
1	6
2	16
3	24
4	29
Линия жизни	38
1. Встреча	38
2. Линии жизни	44
3. Энрике	47
4. Гало	52
5. Гипотеза Вейна	60
6. От твоего решения зависит всё, девочка...	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сабрес

Истории со Святой земли

Роман Камбург

Редактор Анна Даян

Корректор Анна Даян

© Роман Камбург, 2018

ISBN 978-5-4490-4843-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Здесь самое яркое солнце. Здесь самые горячие люди. Здесь самая вкусная еда. Здесь рай для кактусов под названием «сабрес». И этих горячих людей, колючих снаружи и сладких внутри, родившихся здесь, тоже называют «сабрес».

Не многим туристам, приезжающим в Израиль, доводится попробовать плод сабрес. Немногим удаётся понять и характер израильтян.

В книге «Сабрес» почитайте про знаменитого шпиона Эли Коэна, о его возможной связи с Лазарем Кагановичем, про девушку Эли с её паранормальными способностями, про использование их Моссадом, про блудного сына Ахмеда, оказавшегося после службы в ЦАХАЛЕ среди головорезов-исламистов, про сына рейхсфюрера СС, прибывшего в Иерусалим за покаянием. И о многих простых израильтянах – врачах и их пациентах, охранниках, про расизм, любовь, убийства, измены. И главное – про возможную терпимость, про добро, про жертвенность.

Всем израильтянам посвящается.

Коэны

1

Лазарь Каганович шёл по вечерней Москве, как простой смертный, без шофёра и охраны. Вообще-то, он выходил чрезвычайно редко, много лет избегал людей. Он смотрел на знакомые и незнакомые места. Раньше он видел их только через стёкла правительственных лимузинов, а теперь вдыхал запах снега. В январской Москве вдруг началась оттепель. Каганович наступал ботинками на лужи воды и талого снега. Проезжавшие машины брызгали на его брюки и полы демисезонного пальто грязью и водой.

Он зашёл в кафе на Котельнической набережной. Сел у окна. В кафе народу было мало, всего несколько парочек. В начале недели всегда так. Семидесятилетний Каганович ещё не потерял интереса к женщинам. Он осмотрел официанток, заметил даже одну, длинноногую, в короткой форменной юбке. Ему показалось, что она улыбнулась ему. Он подозвал её движением руки. Официантка сразу подошла. Её русые волосы были собраны в узел на затылке, а спереди была белая форменная наколка. Теперь она на самом деле улыбалась, профессионально и корректно.

– Будете есть или выпить хотите?»

– И то и другое, – он улыбнулся ей, – вас как зовут?

– Надежда.

– А меня Каганович, Лазарь Каганович.

– Очень приятно, – не моргнув глазом, ответила она, – что будем заказывать? Есть котлеты по-киевски, беф-строганов, печень жареная, очень вкусная. Пить... водочку, коньячок, портвейн...

Каганович заказал бефстроганов и сто грамм водки. Когда она приняла заказ, он задумался над тем, что его имя не произвело никакого впечатления на официантку. А лет пятнадцать назад она бы сразу его узнала. Да нет, пятнадцать лет назад, ему, бы второму человеку в стране, никто бы и не дал просто так одному зайти в московское, первое попавшееся, кафе.

«Да, может быть, так лучше, – подумал он, – ни от кого не зависишь, ни перед кем не пресмыкаешься».

Через несколько минут холодный пузатый графинчик уже стоял на столе. Он поблагодарил официантку, но уже сухо, без интереса, погружившись в свои мысли. Выпил стопочку. Вообще-то, он всегда пил немного. Но сейчас на душе было смутно, одиноко, и ему захотелось заглушить это чувство. Почти без перерыва выпил вторую, и только потом приступил к трапезе.

Всю сознательную жизнь Лазаря волновали вопросы вознесения человека к вершинам власти. Последние месяцы он много думал, как же человек спускается с этих вершин. На-

чал писать мемуары – «Вершины». И в один из вечеров его «понесло». Один за другим возникали вопросы: «А прав ли был босс („Хозяин“, как его величали другие)?», «А почему победители живут хуже побеждённых?» Лазарь выпил третью. Когда много свободного времени, разное в голову лезет. А у него на пенсии ох как много времени. Слишком много.

В этот момент подошла официантка.

– Закажете ещё что-нибудь?

– Да, водки ещё сто грамм, – попросил Лазарь, и как бы извинился, – что-то настроение у меня сегодня поганое.

– Бывает... у меня тоже... сейчас принесу.

Лазарь взял «Правду», просмотрел заголовки и остановился на одном из них «Арест в Дамаске израильского шпиона Эли Коэна». Он не стал читать дальше, просто задумался об их фамилиях – Коэн и Каганович. Он не очень давно зашёл в ленинскую библиотеку, у него сохранился старый пропуск, а в «ленинке» еще не отметили, что он уже давно «не Коганович». Нашёл какую-то дореволюционную, чудом не изъятую книгу про фамилии, и вдруг обнаружил, что он из «коэнов» – потомков Аарона. Вот тебе и на, второй человек первой коммунистической страны мира – коэн!

Он вдруг вспомнил конец сорок седьмого года. В ООН приближалось голосование по образованию Израиля. И Лазарь вдруг почувствовал, что он причастен к народу, к своему народу. Они сидели тогда за полночь. Иосиф сказал ему: «Решение ООН для нас будет очень важным. Позвоните

сейчас Громько и разъясните ему еще раз. Поддержка Украины, Белоруссии, Чехословакии, Югославии станет главным фактором голосования. Особенно предупреди его относительно Югославии. Там товарищи колеблются, не понимают. Наш Израиль на Ближнем Востоке – это шило в заднице британской империи. Мы их должны постепенно вытеснить, и оттуда, и из других районов. Ближний Восток – ключевое место нашей послевоенной политики!»

Лазарь как будто сейчас слышал голос Сталина. А потом голос Громько, который выслушивал последние инструкции перед сессией Генеральной Ассамблеи по телефону. Он уже был в Нью-Йорке.

Прошло всего семнадцать лет, и уже шпион Израиля Коэн в Дамаске. Мировая сенсация! Он, Лазарь Каганович, участвовал в создании Израиля, а Эли Коэн воюет сейчас за выживание страны среди арабского окружения. Значит, не зря у них такая же фамилия.

Каганович вернулся к себе домой в смятении духа. Он забыл закрыть окно, когда уходил. Московский зимний ветер разметал по полу все его последние труды. Он писал о власти. Про себя подумал: «Макиавелли недобитый... еврейский Макиавелли». Вначале подумал с какой-то злостью на себя, на свое смятение чувств... а потом, словно ведя диалог с собой: «А почему бы и нет...» Он опустился на коленки, собирая с пола листы. Тут же лежала и разлетевшаяся газета. Он выписывал «Известия». Перед уходом вынул га-

зету из ящика, но прочитать не успел. Сейчас ему захотелось сесть в тепле, выпить крепкого чая, собрать мысли. Каганович переоделся в зимнюю пижаму, взял стакан чая в подстаканнике, устроился с газетой. И снова в глаза бросилось: «Эли Коэн, израильский шпион, арестован в Дамаске».

Каганович инстинктивно потянулся к телефону и набрал номер Бени Райковича. Бенья был обязан жизнью Лазарю. В тяжёлые времена Лазарь вытащил его из полной нищеты и через Вышинского устроил в органы. Бенья был на пятнадцать лет младше Лазаря. Сейчас он занимал ответственный, даже сверхответственный пост в КГБ.

– Бенька, привет.

– Приветствую вас, Лазарь Моисеич.

– Заедь ко мне на часок.

– Буду, Лазарь Моисеич.

Звонок в дверь квартиры Кагановича возвестил о прибытии товарища Райковича.

Бенья был невысоким седоватым мужчиной с широкими плечами. Тогда благодаря этим плечам его и взяли в разведку.

Минут пять поболтали о том, о сём. Вдруг Каганович неожиданно повернул разговор.

– Скажи, это ваших рук дело? – и Каганович подложил поближе к Бене «Известия» с заметкой о Коэне.

Тот едва скосил глаза на газету и лишь незаметно кивнул утвердительно.

Каганович снял очки. Посидели. Попили чай. Поболтали о том, о сём.

– Давай я тебя провожу до машины.

– Хорошо, Лазарь Моисеич.

Как только вышли из дома, Каганович не утерпел, он обычно не заговаривал ни о чем важном, пока не отдалялся метров на пятьдесят-сто от подъезда.

– Я хочу, чтоб ты мне помог освободить этого парня, – сказал он, как будто предлагал съездить Бене в Мытищи.

– Это невыполнимая задача, Лазарь Моисеич, – ответил Бенья.

Нам придётся её выполнить вместе с тобой, – настаивал Каганович, – и для её выполнения есть только несколько дней, максимум – неделя. Ты знаешь, что такое арабские тюрьмы, и в особенности – арабские тюрьмы для евреев.

– Я знаю.

– Завтра каждый из нас попробует разработать несколько планов, мы их с тобой обсудим в это же время. И примем один из вариантов для исполнения.

Через четыре дня после их разговора на Котельнической, два парня в кепках и в брюках клёш сели в поезд Москва-Махачкала. Они вынули почти сразу же несколько бутылок «Жигулевского». Откупорили две, и стали пить, закусывая жирным вяленым лещом. Посидели часа полтора, поболтали о погоде, о ценах, о последнем поражении «Спартака». Зимой темнело рано, и парни уже в семь вечера завали-

лись спать. Утром допили пиво, покурили в тамбуре. Осталось километров триста до Махачкалы. Россия кончилась, вокруг был Дагестан. Солнце светило по-южному. Одного звали Василий, второго Сергей. Простые русские парни. Василию двадцать девять лет, Сергею тридцать три. Оба женатые, похожие привычки, похожие характеры. Прозвучало объявление, что через десять минут Махачкала. Парни надели чёрные полувоенные бушлаты, приняли немного приклатнённый вид. Они вышли на перрон, и тут же к ним подошёл дагестанец в кепке типа «Аэропорт», с усами и огромным носом.

– А я вас пАджидаю, ребята. ПАехали, – с нажимом на «а» сказал дагестанец, и парни пошли за ним через подземный переход. На улице, забрызганная по самые стёкла, стояла «Волга».

– У нас вчера был страшный дождь, а я не успел помыть машину, – как бы извинялся он.

– Ничего, ничего... мы привычные.

Он быстро выехал на шоссе, и они помчались по загородной трассе. В бушлатах им было жарко, но парни крепились, не снимали.

– Ночью будет холодно, – сказал дагестанец.

– А мы водочки купим, – отозвался Сергей, – или девочку, дагестаночку снимем... горячую... и не замёрзнем.

Все засмеялись.

– У нас с этим строго, не как в Москве, – предупредил

шофёр.

– Хорошо, поостережёмся, – все снова захохотали.

Машина затормозила перед самой тюрьмой. Дагестанец вышел, показал пропуск, и их впустили во двор. Сергей и Василий прошли в комнату начальника. В углу, в наручниках и в ножнах, сидел заросший щетиной по самые глаза заключённый. Секретарь-офицер записывал что-то. Рядом стоял солдат с автоматом.

– Распишитесь, – позвал секретарь парней.

Заключённого вывели через другой вход и завели в тюремную машину с решёткой.

– На вокзал, – приказал шофёру офицер, – вот бумаги, здесь пусть распишутся в вагоне.

На дальнем пути стоял товарный поезд, а предпоследний вагон был пассажирский. Надписи на нём никакой не было, ни названия рейса, ни номера вагона. Старый зелёный обшарпанный вагон. Задняя дверь вагона была закрыта, зашли в переднюю. Первым – Сергей, вторым заключённый, третьим шофёр, сзади Василий. Расписались, отпустили шофёра. Внутри вагона были открыты только две двери: одно купе и уборная. Парни вытащили из сумок складные автоматы, повесили их на шею. Закрыли на ключ переднюю входную дверь. Пока один закрывал, второй навёл автомат на заключённого. Проверили решётки на всех окнах. По инструкции, алкоголь им пить было не положено. Спать по очереди. Глаз с заключённого не спускать ни минуты. В туалет запускать

только с открытой дверью. Всё это не так трудно, если бы не продолжалось больше двадцати часов. Накурились парни, как за целый месяц.

Но вот уже и «белокаменная» приближается. Процедура отличалась от махачкалинской только одним. Сдали Сергей и Василий заключённого на вокзале, передали трём дюжим ребятам в штатском. И всё. Больше не видели его никогда. И не знали для чего всё это.

Тураев, горский еврей, приговорённый к расстрелу за изнасилование, был доставлен к Райковичу. У Бени на столе лежало несколько фотографий мужчины с усами.

Беня подвёл к столу парикмахера.

– Мне нужно сделать из Тураева вот этого красавца, – больше он ничего не сказал.

Беня вышел из учреждения, прошёл метров сто, повернул в один из переулков направо, еще раз направо, зашёл в телефонную будку.

– Лазарь Моисеич, ровно через два часа выходи на смотрины. Клиент будет готов. В нашем месте..., – и не дождав-шись ответа, положил трубку.

Каганович появился в садике на Чистых Прудах за десять минут до назначенной встречи. Подъехала черная машина Бени. Вначале вышел Беня, потом «клиент», потом двое охранников в штатском. Кагановичу понравился облик «клиента». Он приблизился, обошёл с разных сторон. Потом отозвал Бению в сторону.

– Этот подонок должен быть повешен в Дамаске вместо Эли Коэна.

– Но, Лазарь Моисеевич...

– Слушай, мой дорогой Беня, нам с тобой надо выплатить долги перед своим народом. После сорок седьмого года я думал, что уже всё заплатил. Ан нет, видно, нам с тобой ещё надо этого Коэна спасти.

Через два дня самолёт советских ВВС поднялся с военного аэродрома Москвы. Представитель разведки летел на встречу с пленным израильским шпионом Эли Коэном. Органы в Дамаске были предупреждены. В самолёте, кроме экипажа, находились Бениамин Райкович с паспортом на имя Александра Волкова, и ещё три молчаливых сопровождающих лица в тёмных очках.

2

Эли Коэн знал, что страна прилагает невероятные усилия по его спасению. Каждый день казался ему годом. Вечером его выволокли из клетки, притащили к начальнику тюрьмы и сказали, чтоб он был готов к встрече. Дали одежду на пластиковой вешалке, как в гостинице, велели умыться и побриться.

Его вернули в нормальную камеру с койкой и с зарешённым окном. На столике стояли фрукты и вода в кувшине. Эли подумал о журналистах. Обычно такой маскарад делается в тюрьмах для них. Прошло немало времени. Эли успел съесть банан, выпить пару стаканов воды.

Ключ в двери повернулся, и его вызвали. Два охранника завели его в комнату, где уже сидели трое: коренастый мужчина и ещё два «шкафа». Коренастый заговорил с ним по-английски.

– Сейчас пойдёшь с нами... Только тихо... без фокусов.

Эли кивнул и добавил: – Да, сэ.

Коренастый кивнул, Эли встал, и его вывели через второй выход в комнате в полутёмный коридор. Там он столкнулся лицом с кем-то, идущим навстречу. Тот выругался на неизвестном Эли языке. Коэна подтолкнули сзади и приказали: «Вперёд! Быстро!». Он почти бежал, насколько позволяли силы и разбитые ноги. В самолёте он спросил:

– Куда летим?

– Сейчас в Москву, – прозвучал ответ коренастого.

Коэн уснул мгновенно, и только толчки в спину пробудили его через несколько часов.

Всё развивалось настолько быстро, что уже вечером Бенья позвонил Кагановичу:

– Лазарь Моисеич, он здесь.

– Спасибо тебе, дорогой... мы с тобой поработали на славу... и как он?

– Ну, вы сами понимаете, после дамасской военной тюрьмы....

– Да, конечно, дадим ему отдохнуть. А в конце недели организуем встречу.

– Нет проблем, Лазарь Моисеич.

Коэн находился в маленьком спецобществе КГБ на окраине, за Садовым кольцом. В комнате с ним жил парень, сносно говоривший на английском. Им каждый день приносили свежие газеты, в комнате стоял телевизор. Кормили хорошо. Эли отсыпался от тюремной усталости. Спал по четырнадцать часов в день. Сначала его осмотрел врач. На раны накладывали повязки. Давали пить лекарства, кажется, витамины. Эли не задавал лишних вопросов, хотя так хотелось спросить, как Моссад вызволил его. И ещё его интересовало: «Почему Москва?». В те годы Москва не очень жаловала Иерусалим. Но как опытный разведчик, он знал, что сейчас не время для вопросов. Пусть ОНИ начнут его

спрашивать.

Дня через три они начали. Райкович приехал, и они с Эли уединились в учебной комнате общежития. Райкович был не только разведчиком, но и психологом. Разговор с Эли (после первых вопросов о здоровье) он начал с предложения написать письмо жене. Когда внимание Эли переключилось на эту тему, Райкович почувствовал, что ведёт беседу в нужном направлении. Израильтянин раскрылся, начал жаловаться на отсутствие связи с семьёй больше месяца. И вдруг, совершенно неожиданно, он нанёс Райковичу ответный, совершенно профессиональный удар

– Ситуация находится под контролем Моссада? – спросил израильтянин, и вонзил свои иссиня-чёрные глаза в глаза Райковича.

– Нет, под нашим контролем.

В конце разговора Райковичу предстояло самое трудное – договориться о встрече с Кагановичем. Эта короткая часть беседы должна была пройти обязательно наедине, без посторонних «ушей». Все помещения «общежития» и машина исключались, разумеется. План у Райковича был заготовлен заранее. Он накинул шинель и пригласил Эли следовать за ним. Когда подошли к выходу и часовой вытянулся перед генералом, Райкович пропустил Эли впереди себя, а часовому сказал:

– Мне нужно проверить, как быстро он умеет сменить колесо в машине.

– Есть, товарищ генерал.

– Мистер Коэн, – сказал громко Райкович у входа, не для часового, тот не понимал ни слова по-английски, а для системы записи разговора, – я хочу посмотреть, как быстро вы меняете колесо в машине. Вон стоит моя машина, я засеку время, а вы смените заднее колесо, – и быстро, почти бегом, погнал Эли к своей «Волге».

– Мистер Коэн, пока вы меняете колесо, я должен вам кое-что сообщить. Вы слушайте и продолжайте менять. У нас есть несколько минут. Сильно не торопитесь. Одна важная персона желает встретиться с вами. Встреча должна быть абсолютно секретной. Мы – люди одной профессии, и понимаем, что такое «абсолютно секретно». Я заеду за вами через два дня, в пятницу, перед обедом. Ни о чем не спрашивать. Беспрекословно слушаться меня. Хорошо выглядеть. И быть максимально осторожным, как вы были в Дамаске. – Райкович перехватил взгляд Коэна и улыбнулся, – Вы справились с колесом за шесть с половиной минут. Поздравляю.

Каганович нервничал перед встречей не меньше Коэна.

Коэн не владел информацией.

Каганович боялся всевидящего ока разведорганов, боялся генетическим страхом, вошедшим в него лет сорок назад, если не больше.

Коэна сразили слова Райковича «под нашим контролем». Он размышлял над ними все эти дни до встречи.

Каганович был до сих пор неспокоен, а смятение чувств

никогда к добру не приводит. Тем более, что это будет не встреча один на один, с глаза на глаз, чего он страстно хотел, а вместе с Райковичем, потому что языковой барьер делал её невозможной. Райкович будет в роли переводчика, свидетеля, наблюдателя.

Они встретились в том самом кафе на Котельнической набережной. Райкович волновался не меньше двух своих клиентов, своего благодетеля, незабвенного Лазаря Моисеича, и одного из сильнейших агентов Моссада Эли Коэна. Когда он говорил про секретность, то понимал, что в первую очередь осторожным должен быть он сам. Накануне вечером он навестил это кафе, проверил ситуацию на месте, убедился в отсутствии видеокамер и «жучков». Тщательно разработал версию перед начальством о необходимости частных контактов с Коэном. Он понимал, что уже одна их принадлежность к иудейскому племени делала всё это весьма подозрительным для КГБ. Он сменил два такси, а потом стояли минут двадцать на морозе, поджидая, кто их подхватит в район Котельнической. Райкович попросил высадить их около старого дома, расплатился, и дворами они пошли пешком на условленное место. В Москве резко похолодало. Коэну был непривычен пятнадцатиградусный мороз с северным колючим ветром. Райкович предусмотрел и это. Приготовил для Эли тёплый полушубок и сапоги на меху, варежки, ушанку. Израильтянин довольно забавно смотрелся в таком одеянии.

Дошли до кафе.

– Мистер Коэн, говорите немного, негромко и в отсутствии официантов. У нас любой иностранец подозрителен. Даже если с ним рядом генерал КГБ. Отгадайте, почему?

– Потому что и такой генерал очень подозрителен, – оба они рассмеялись, в первый раз за время их знакомства.

Каганович уже сидел за столиком, спиной к залу. Он встал, когда гости подошли, сильно и долго жал руку Эли.

– Очень приятно, очень приятно, – повторял Лазарь.

– Вери найс, – тихо и с достоинством ответил Эли. Они сели.

– Скажи ему, кто я, – попросил Каганович Райковича.

– Сейчас сделаем заказ, отпустим официантку, и я расскажу. Она не должна слышать иностранной речи. Вы меня поняли, Лазарь Моисеич?

Каганович кивнул. Когда официантка отошла, Райкович, почти вплотную приблизив лицо к Коэну, полушёпотом сказал:

– Этот человек, который хотел вас видеть, Лазарь Моисеевич Каганович, товарищ Каганович, бывший...

– Он разве жив?

– Как видите, и сидит с вами за одним столом. Ему вы обязаны своим освобождением из сирийской тюрьмы.

Эли встал и пожал руку Кагановича:

– Тэнк ю... тенк ю со мач*.

– Сядьте и успокойтесь, – попросил Райкович.

Эли сел. Им подали на стол закуски, коньяк и горячий чай. Когда официантка удалилась, Райкович разлил коньяк и сказал:

– За дружбу народов.

Трое чокнулись.

– Хорош армянский!

– Да уж, с морозца.

Эли промолчал.

– Скажи товарищу Коэну, чтоб к следующей встрече он выучил русский язык, мне есть что ему рассказать, – Каганович встал, подошёл к Эли. Тот тоже встал. Лазарь обнял его.

Тихо на ухо зашептал:

– Молодец... умница... наша кровь... да храни тебя бог.

Молча подал руку Райковичу, быстро пошёл к раздевалке, почти выбежал из кафе на морозную вечернюю улицу.

Райкович был сконфужен. Никогда он не видел на глазах Кагановича слёз. Он никогда не слышал от него слов: «наша кровь», а «храни тебя бог» его полностью шокировало. Над столом повисла пауза. Райкович пытался обрести спокойствие. А Коэн молча смотрел на него.

– Мой друг, – начал Райкович, – товарищ Каганович сказал, чтоб вы учили русский язык, он хочет с вами встретиться и поговорить по-русски. А на прощание добавил, что вы молодец и наш человек, и чтоб вас хранил бог.

Теперь виновником паузы был Эли.

– Я много читал и слышал о товарище Кагановиче. Нико-

гда в жизни не думал его встретить. Никогда не мог представить, что он вмешается в мою жизнь. Ведь он спас меня. Я думал, что после смерти Сталина их всех или посадили, или поубивали. Хотя смысл игры и моего спасения пока мне не ясен.

– Мой друг, я вам пока ничего не смогу объяснить. Наберитесь терпения и учите язык. Я вам доставлю лучшие учебники и кассеты, а для упражнений у вас есть сосед по комнате. Он вам поможет. Смотрите телевизор. И ещё. Со мной вы будете встречаться редко, в следующий раз – примерно через месяц. Про товарища Кагановича пока забудьте. Ни при каких обстоятельствах не вспоминать его имя. Вы поняли меня – ни при каких!

Таял снег. Небо все чаще становилось по-весеннему голубым, как на картинах Юона или Грабаря. Коэн быстро продвигался с русским. Он почти не вспоминал про Кагановича. Изредка его навещал Райкович. Раз в две недели ему давали посылать письма Надие. Беня предупредил, что письма будут перлюстрироваться. Когда Эли писал, то подолгу задумывался над каждой фразой. Про себя рассказывал с особой осторожностью, уклончиво. Он и сам не понимал своего положения, то ли пленный, то ли освобождённый. По последнему разговору с Райковичем он понял, что КГБ не против использовать его, Эли, в профессиональных целях. Такое неопределённое состояние длилось до мая.

В один из дней, часов в одиннадцать, до обеда, Эли открыл свежую газету и прочитал: «Вчера в Дамаске на центральной площади был повешен израильский шпион Эли Коэн». Словно электрический шок парализовал его. Сейчас он понял всё! Он не пленный, и он не освобождённый, он повешенный живой! Нет больше на свете Эли Коэна!

Вечером приехал Райкович. Сели в классе. Райкович разложил газету с заметкой о казни Коэна. Положил на неё паспорт.

– Прочитайте, – сказал он по-русски.

Паспорт был советский, серый, с серпом и молотом. Эли

открыл его. Каллиграфическим почерком чёрными чернилами написано: «Арон Коган, еврей, родился 2 октября 1925 года в г. Витебск, Белоруссия. Прописка – Москва, улица Лесная. 24—5». Наверху в углу маленькая фотография Эли с печатью.

– Я вас поздравляю, товарищ Коган. Завтра утром вас отвезут по этому адресу. У вас начинается новая жизнь. Завтра же днём я навещу вас там. Успехов вам, товарищ Коган.

После его переезда началось самое тяжёлое. Ему запретили пересылать письма жене. Для семьи, для Израиля он был повешен 19 мая в Дамаске. Через несколько дней Райкович сообщил ему о встрече с Кагановичем. На этот раз – с глазу на глаз. Стоял по-летнему тёплый день. Ночи в это время года были самые короткие. Встречались у выхода метро Новослободская. Агент Райковича наблюдал за встречей издали. Каганович появился, как обычно, первым, одетый в светло-серые летние брюки и полосатую рубашку с короткими рукавами. Вот и товарищ Коган с чёрной шевелюрой волос и усами вышел из метро. Они подали друг другу руки, потом направились по Новослободской улице, зашли в близлежащий кафетерий «Весна». Агент, согласно инструкции, остался стоять у входа, а они вошли внутрь.

– Как вам живётся, товарищ Коган? – спросил Каганович.

– Привыкаю. Непросто. С семьёй нет связи.

– Мне вам надо многое сказать сейчас. Долгие годы, находясь у власти, я не чувствовал связи с евреями. Я считал себя

выше таких национальных глупостей. Я всегда поддерживал товарища Сталина. Я пожертвовал братом. Не защитил его, хотя и мог. И он покончил с собой. В 47-ом я всеми силами стремился помочь созданию независимого Израиля. Когда ушёл на пенсию, много думал об этом. Нет-нет, я по-настоящему не раскаялся. В этом моя ошибка. Я как-то прочитал, что Каганович и Коэн имеют один корень фамилии. Когда я прочитал заметку, что вас арестовали в Дамаске, я сказал себе, это брат по крови, и я должен защитить его. В память о незащищённом родном брате. У меня появился план сменить вас на одного уголовника – насильника и убийцу. Его всё равно должны были расстрелять у нас. Вместо этого, его повесили в Дамаске.

– Товарищ Каганович, но я не могу жить вместо кого-то... спасибо вам... вы мой спаситель... но...

– Мой дорогой друг. Я сделаю для вас всё, что в моих силах. Я уже стар, но у меня остались хорошие связи. Генерал-майор Райкович, например. Я знаю, что они хотят вас использовать. Я против этого. Я помогу связаться вам с семьёй, хотя это непросто, ох как непросто. Я надеюсь, вы вернётесь когда-нибудь в свой родной Израиль... в наш родной Израиль..., – Каганович двумя руками сжал руку Эли, – спасибо вам за все.

Эли писал письма и складывал их в стол. Вернее, прятал их под матрас. Через несколько месяцев, к осени, сменилось руководство в Москве, и Райковича отстранили. Хорошо,

что он успел пристроить товарища Когана учителем английского языка в одну из московских школ. Эли каждый день ходил на работу. Он даже научился любить её. Днем он учил английскому старшеклассников, а вечером учил сам русский язык. С Кагановичем связь прервалась. Конечно, он мог его найти, но попыток не предпринимал. Жил скромно с опаской. Знал, что такое спецслужбы, как их здесь называли – «органы». Шёл месяц за месяцем. Эли подружился с одной учительницей по имени Эмма, Эмма Ильинична. По простоте нравов, её звали Александра Ивановна. На работе в школе он её звал Александра, а она его – Анатолий. Когда встречались у него, она для него становилась Эммочка, а он для неё – Арончик. Ходили в кино, выезжали за город. Изредка, по праздникам, театр или ресторан. Эммочка намекнула раз Арончику, что неплохо бы узаконить их отношения, но Эли увильнул от ответа. Он продолжал писать письма Надие.

20 мая 1965 года.

«Моя милая. Самое тяжёлое знать то, чего не знаешь ты. Ты уже год живёшь с болью, что меня нет на свете. Слышал, что ты не раз обращалась к нашему правительству оказать давление и перезахоронить мое тело. Моё тело, к счастью или к сожалению, пока живо, и уже год совершает автоматические движения – ест, пьёт, спит, работает. Ты же знаешь, что без тебя моё тело не живёт по-настоящему, оно лишь существует. Ни время, ни расстояние не мешают мне любить тебя. Иногда я просыпаюсь с ощу-

щением, что я – это не я. И мне становится страшно, что я схожу с ума. Ты помнишь, мы с тобой увлекались психиатрией, и читали: «дереализация», «деперсонализация». Так я и существую изо дня в день в состоянии «деперсонализации».

Помнишь, наши шабатные прогулки в парке Яркон. Лодочку с вёслами. Скрипели уключины. Брызги с вёсел попадали то на меня, то на тебя. А ты была в шляпке. Я тебя до сих пор в ней помню... Пока, моя любимая. Может, ты и прочитаешь это письмо. Только когда? Когда? И я верю, что мы наконец будем вместе».

За двадцать лет так и не удалось Эли переправить ни одного письма ненаглядной Надие. А двадцать лет текут ох, как по-разному! В заключении они кажутся вечностью. В разлуке тоже. Наконец, наступила весна, когда Арон Коган смог зайти в обычное туристическое агентство и открыто попросить:

– Один билет до Тель-Авива, пожалуйста.

Девушка улыбнулась и спросила:

– Вы хотите ЭльАль или Трансаэро?

– ЭльАль.

– Выйдет дороже, но ненамного.

Чтобы растянуть удовольствие Эли спросил:

– Насколько?

Девушка склонилась над компьютером:

– Долларов тридцать.

Виза у него уже была. Кроме долларов, потребовалось несколько бутылок хорошего коньяка, чтобы ускорить процесс. Но если он выдержал двадцать лет, то что за мелочь было выдержать ещё два месяца. Но это только казалось, а последние дни и часы тянулись словно годы.

Весна московская и весна тель-авивская – это две разные весны. Родное солнце ослепило Эли. А воздух, воздух! От избытка чувств, он встал на колени недалеко от призем-

лившегося самолета и поцеловал землю. Его никто не встречал. Его никто не ждал. Вернее, все, кто ждал – отчаялись. Наконец он у себя дома. Дома! Дома!

Придя в себя, первым делом Эли пошёл к телефону. Набрал номер. Эти несколько секунд ожидания стоили двадцати лет отсутствия. А миг, когда он услышал её голос, стоил всей жизни.

– Дорогая, это я, – тихо-тихо сказал Эли.

Повисла пауза..., и она заплакала.

– Сладкая, не надо... я сейчас приеду... ну... ну..., – он растерял все слова.

– Я знала... знала... я ждала... ты где?

– В аэропорту, в Лоде.

– Всё хорошо?

– Да... да... а у тебя?

– Нет. Я же без тебя..., – Надия снова заплакала. Он молчал, не знал, что сказать.

Она успокоилась немного:

– Ну, всё... приезжай быстрее... я... всё, пока, – и Надия положила трубку.

Эли не смог потом вспомнить ни одной минуты, как он добирался до дома. Как будто стёрли память. Он читал про амок. Он, как профессиональный разведчик, никогда в жизни не бывал в таком состоянии. Он очнулся перед дверью своей квартиры. Он не успел ни позвонить, ни постучать, дверь приоткрылась. Теперь, обнявшись, они плакали оба,

не закрывая двери, не заноса в дом чемодан.

Тель-Авив цвёл, залитый солнцем. Не так давно выстроили набережную, и люди заполнили кафе, пляжи. Держась за руки, как молодая парочка, Надия и Эли зашли в «Дизенгоф-центр».

Эли жил в раю примерно три недели. Он не расставался с Надией и детьми, словно боялся их потерять снова. В последние же дни начал много времени проводить в своем кабинете. Он читал пожелтевшие газетные вырезки из «Маарив» и «Едиот» о собственной казни в Дамаске. Отклики мировой прессы о поимке израильского шпиона. Эли нервно ходил по кабинету, снова садился, снова читал. Он понимал, нужно было что-то делать. Листал свои старые записные книжки. Он искал пути, как выйти из подполья и вновь стать полноценным гражданином с именем Эли Коэн. За пару дней освободившись от эмоций, как учили много лет назад, в спецшколе, Эли начал составлять список людей. Людей, которые могли бы помочь ему. Эли знал, что ему придётся заплатить цену за двадцать лет советского полуплена.

Несколько раз он поднимал телефонную трубку. Наконец, поднял и набрал номер.

Ему ответил он. Его друг и напарник. Сами Аронсон.

– Шалом, дружище, – сказал Эли.

– Шалом, кто это?

– Сами, ты не узнал мой голос?

– Нет, кто это? – довольно холодно ответил Сами.

– Эли Коэн.

После паузы, Сами сказал:

– Прекратите разыгрывать меня! – и повесил трубку.

Эли поднялся со стула и снова заходил по кабинету.

«А что ты ожидал? – заговорил он с собой, – чтобы Сами пригласил тебя на семейный ужин?». Эли усмехнулся. Если Сами отреагировал так, что будет с остальными.

– Что-нибудь случилось? – интересовалась Надия.

– Что может ещё случиться, дорогая? Всё, что могло со мной случиться – случилось. – они засмеялись. Но Эли задумывался, понимая, что ещё не всё случилось. Был ещё Моссад.

Туда он пошёл утром, в первый день недели.

– Куда, пожалуйста? – спросил его молодой верзил-охранник.

– Отдел 46.

– Есть оружие? – для формальности поинтересовался охранник.

О каком оружии можно было говорить после двойного обыска и прохождения через ворота самой высокой чувствительности?

– Хорошего дня, – пожелал охранник, пока Эли втягивал в петли ремень от брюк.

– Спасибо, – автоматически ответил он, и пошёл к лифту. С 46-го года мог служить до сих пор Миха Хоровиц,

с которым он поддерживал контакт до самого конца, до провала. С частым стуком в сердце, Эли постучал и открыл дверь. Дверь, в которую он не входил больше двадцати лет. За компьютером сидел молодой человек в очках, лет тридцати, а сзади, чуть в глубине, Эли увидел лысого Миху.

Эли обратился к парню, словно он не заметил Михи:

– Могу я поговорить с господином Хоровицом?

Парень крикнул:

– Миха, к тебе!

Миха оторвался от компьютера и приблизился к Эли. Вначале он внимательно и напряжённо вглядывался в его лицо. Потом, пытаясь сохранить полное хладнокровие, спросил формально:

– Вы кто и к кому?

– Меня зовут Коэн, Эли Коэн.

– Понятно... подождите немного, – Миха отошёл в свой угол, а через минуты две на запястьях Эли защёлкнулись наручники.

– Он выдаёт себя за повешенного Эли.

Эли нервно прохаживался по камере. Он знал, что это будет. Сразу же решил, говорить надо чистую правду, как бы фантастически она не звучала. Часа через полтора с ним начали «работать». Отпечатки пальцев, запись голоса, фотографии во всех вариантах. Задали несколько формальных вопросов. И снова он остался один наедине со своими мыслями. Эли думал о Надие. Перед «сдачей» Моссаду он напи-

сал ей подробную записку. В конце он написал: «Я бы на их месте тоже не поверил. Уж слишком фантастическая история. Поэтому, моя дорогая, наберись терпения. Всё-таки теперь у своих».

Снова и снова расспрашивали Эли о подробностях захвата вначале сирийцами, а потом русскими. Проверяли его показания на полиграфе и спрашивали повторно.

Дня через три собралось совещание группы, на котором доложили о первых результатах работы с «псевдо-Коэном». Проект в секретных бумагах Моссада так и назывался «Псевдо-Коэн». С Эли по очереди работали двое сотрудников: майор Вентура и подполковник Шор. Заключение Шора было таково, что псевдо-Коэн никакого отношения к повешенному в Дамаске Эли Коэну не имеет. Вентура же высказался лаконично: «Человек, находящийся сейчас в руках Моссада – Эли Коэн, который избежал сирийской казни». После многочасовых дебатов, было решено подключить независимого следователя, который проверит результаты работы Вентуры и Шора, и выдаст окончательное заключение. В отличие от многих бюрократических организаций, Моссад работал быстро и чётко. К концу недели следователь Шилуах встретился с боссом и представил отчет на девяти страницах, с приложениями отпечатков пальцев, генетических исследований, полиграфических записей и стенограмм. Самой важной была последняя строчка – ле сикум (ивр. – «заключение»).

«Находящийся сейчас на исследовании человек является израильским агентом Эли Коэном, пойманным сирийцами и выкраденным незадолго до казни КГБ. В Дамаске был повешен совершенно другой человек. Эли Коэн под другой фамилией жил в течение двадцати лет в Москве и месяц назад в частном порядке вернулся в Израиль. Неделю назад Коэн добровольно сдался Моссаду».

Босс встал и заходил по комнате:

– Спасибо, Шилуах. Не могу сказать, что я обрадован вашему заключению. Оно свидетельствует о нашем двойном провале. Но факты налицо. Мы проверим ваш отчёт. Идите.

Полковник встал и поднял руку в военном приветствии боссу. Босс ответил ему тем же. Молча Шилуах вышел из кабинета. Босс ни минуты не сомневался теперь в подлинности Эли Коэна. Его мучил только один вопрос: «Что делать дальше?» А дальше он должен был идти на доклад к главе правительства и вместе с ним решать судьбу Эли.

Коэн нервно расхаживал по камере, ожидая своей участи. Он знал, что сегодня принимается решение. Суда не будет, судить некого. Будет совместное решение Кабинета и руководителей спецслужб Моссада, Шабака, Амана. Он пытался отвлечься чтением газеты. Посмотрел фильм «Апокалипсис сейчас» с Марлоном Брандо. Эли любил Брандо, но видел его мало, в Москве семидесятых актера и фильмы с ним не очень жаловали. «Апокалипсис» его захватил. Он даже ненадолго отвлёкся от тяжёлых мыслей о решении. Было уже

заполночь, и он понял, что сегодня ему уже не сообщат. Попытался уснуть. Но ещё долго ворочался, прежде чем забиться где-то под утро.

Утром его вызвали, сухо, ничего не объясняя, передали пакет. Конверт был коричневатый, казённый, с надписью: «Государство Израиль (Медина́т Исраэ́ль)». Он вынул бумаги. Шесть страниц убористого иврита. Славно поработали за ночь.

«Совершенно секретно. Главе Моссада.

Копии: Главе правительства. Главе Шабака. Главе Амана. Господину Эли Коэну, подполковнику Моссада».

Сердце Эли забилося...

«К вопросу о провале Эли Коэна в Дамаске, его спасении и возвращении».

Шло перечисление фактов, скучных, как старая газета. О, вот первая интересная фраза, её Эли прочитал раз пять: «Анализ той обстановки привёл к заключению о значительных просчётах Моссада в оценке силы сирийской разведки и её технической оснащённости. Результат – потеря лучшего разведчика и прекращение доступа к информации Сирии».

Далее: «Вторая неудача Моссада заключалась в полной потере связи с Эли Коэном и невозможности вызволить его из плена. Это оказалось по плечу КГБ, который тайно сменил Коэна на двойника – уголовного преступника, и вывез агента из Дамаска в Москву».

И наконец: «Третий провал связан с абсолютно незаме-

ченным частным возвращением Коэна в Израиль под фамилией Коган».

Заключение гласило: «В месячный срок созвать спецкомиссию по расследованию просчётов в работе Моссада. В течение недели провести полное медицинское обследование господина Коэна, для его дальнейшей реабилитации выделить врача и психолога».

Итак, после этого документа Эли полностью реабилитирован перед собственной совестью. К нему зашёл офицер. Вскинул руку к берету и с широкой улыбкой отчеканил: «Господин подполковник, вы свободны».

Эли вышел из кондиционированной полутёмной комнаты Моссада на залитую полуденным солнцем улицу. За долгие годы работы в разведке выработался иммунитет к сильным эмоциям. В это мгновение выдержка изменила ему. Второй раз за последний месяц. Сейчас его внутреннее освобождение было полным. От солнца и свободы закружилась голова. Он радовался солнцу, свободе и своим чувствам.

«Наконец я частный гражданин. Я могу наслаждаться жизнью. Нормальной человеческой жизнью. Почти тридцать лет ушло на спецшколы, работу в Сирии, жизнь в Москве. А дети... а Надия... а просто книжку почитать или в театр сходить... а друзья... у всех нормальных людей есть друзья...».

Смесь горечи, счастья и надежды ударили ему в голову вместе с полуденным солнцем.

Линия жизни

1. Встреча

Эмили сидела на песке у линии прибоя и, не отрываясь, смотрела на приближающееся к горизонту светило. Она не замечала, что отдельные языки волн добирались почти до её ног, а песок вокруг неё был давно мокрым. Через крохотные губчатые наушники она слушала Баха. Глубокие, звучные аккорды органа, словно волны, проникали в её голову, создавая ощущение полной гармонии с перегретым за день морем и приближающимся закатом. И Эмили подумалось, что заход солнца – всего лишь знак вечного вращения Земли. В сегодняшней встрече заката с Бахом ощущалось нечто ритуальное, даже языческое. «Как быстро она вращается, я почти физически чувствую...» – и на самой середине мысли густой с хрипотцой голос прервал её:

– Сейчас вас совсем зальёт, смотрите, какие волны приближаются.

Голос принадлежал немолодому господину, одетому традиционно по пляжному, в бермуды чуть ниже колен и в майку ярко-оранжевого цвета. Бахово-закатное настроение Эмили внезапно прервалось. Подавляя раздражение, она сняла наушники. «Почему я подумала, что он немолодой, он

моложавый. Ах да, обычная иллюзия: кто старше меня – старики, кто младше – юнцы».

– Ну, давайте, отодвигайтесь от воды и перебирайтесь сюда ко мне, – настаивал он.

– Я не уверена, что это хорошая идея, смотрите, сколько места на пляже, – Эмили кивнула направо, в направлении белоснежной «Колони Бич», а потом налево, где вдавался в море стеклянный ресторан «Фиш».

– Что-то же всё-таки притянуло нас в этом море песка у моря воды, – сказал он.

Хотя раздражение её ещё не унялось, она отметила удачный каламбур незнакомца.

– Хотите закурить? – он протянул ей жёлтую с верблюдом пачку «Кэмел».

– Пожалуй, да – согласилась Эмили, и как-то само собой получилось, что она, послушно, как он её просил, отодвинулась от воды и села рядом с ним. Теперь они оба, попыхивая сигаретами, не отрываясь, смотрели на огромный апельсин у горизонта. Молчали. И эта чуть затянувшаяся пауза ощущалась ими обоими. Ведь за началом обычно должно следовать продолжение. Такова игра новых знакомств. Но сейчас они не нарушали молчания, он только бросал на Эмили молчаливые взгляды, как бы продолжавшие их связь, а она удовлетворённо ловила их столь развитым у женщин боковым зрением. Раздражение давно покинуло её.

– Смотрите, сейчас коснётся горизонта.

– А я думаю, горизонт коснётся его.

– О-о-о! А вы философ.

И снова повисла пауза, когда они погрузились в созерцание закатного слияния двух тел – Земли и Солнца. Половина солнечного диска уже спряталась за линию горизонта. Они обменялись какими-то незначительными репликами про небо и светила, потом про море и пляж, про её загар, и наконец – про её руку и ладонь.

– Давайте я взгляну на вашу линию жизни, – предложил он, и, не дожидаясь ответа, взял её ладонь и повернул кверху. Она не отдернула руки, лишь задумчиво улыбнулась, вспомнив, как много лет назад с ней таким же образом знакомился её бывший муж.

– Роскошная линия... Глубокая, ясная... – он ещё что-то говорил, а она уже не слушала. Тогда после гадания по руке они впервые поцеловались. Сейчас Эмили не хотелось целоваться. Оно и понятно – постарела, да и нацеловалась уже.

Солнце зашло за горизонт и мгновенно стемнело. Они ещё не представились друг другу.

– Когда я должна умереть? – спросила Эмили.

– Лет через сто, – пошутил он.

Вдруг она как бы прервала их лёгкую игру и, перехватив инициативу, ответила:

– Спасибо за предсказание. Пойдемте, поужинаем. Я ужасно проголодалась. Вон «Фиш» недалеко, а то до другого ресторана я уже не дотерплю. Умру от голода сейчас, а не че-

рез сто лет. Так что, ведите меня туда быстрее, чтоб ваше предсказание сбылось.

Он подал ей руку:

– Меня зовут Даниэль, Дани.

Один раз она уже давала ему руку для гадания, а сейчас протянула вновь – для знакомства.

– Эмили, но друзья зовут Эли.

Через пару минут они уже приблизились к ресторану, напоминавшему аквариум. Надо было ещё пройти по мысу, вдающемуся в море, метров сорок-пятьдесят, и через небольшой стеклянный куполообразный зал спуститься по винтовой лестнице вниз. Через окна-иллюминаторы виднелись подводные обитатели – разноцветные рыбки, раковины, улитки, кораллы, крабы, водоросли.

– Кто кого рассматривает, мы их, или они нас?

– Теперь я окончательно убеждён, что рядом со мной не только очаровательная дама, но и философ, – заметил Дани.

– Спасибо за комплимент, Даниэль. А в вашем имени присутствует божественное, где эль – там Элоим.

– Тогда ваше имя – это сам Бог, Эли!

– Что ж, два бога рядом.

– Не так: богиня и бог.

В меню они ещё не заглянули, а официантка в черных брюках и в чёрной форменной блузочке с надписью «Фиш»

уже дожидалась их решения.

– Так вы меня заговариваете, чтоб я всё-таки умерла с голода!

Эли обратилась к официантке:

– У меня нет сил изучать меню, порекомендуйте нам что-нибудь.

– Закажите рыбу-меч. Это блюдо дня, она очень сочная, без костей.

– Меч, так меч.

– А что подать к ней?

– К мечу я хочу щит. А если серьёзно, то картофель, запечённый в фольге.

Дани заказал испанскую паэлью – морские деликатесы в рисе.

– Что пьёте? – спросила официантка.

– Воду, – откликнулась Эли.

– И бутылочку хорошего вина, – добавил Даниэль, – за знакомство.

– Вы думаете, надо вино?

– А вы нет?

– Отчего же, я хочу, тем более, что мы с вами и закат встретили, и руку вы мою изучили.

Официантка проворно убежала, словно чувствуя голод Эли.

– А знаете, что особенно сильно сближает людей? – спросил он.

– Беда?

– Беда, да. Но это из драматических событий. А из обычных?

– Постель?

Он хмыкнул и даже чуть смутился от её смелости.

– Насчёт постели я согласен. Но сейчас я хотел сказать: еда, общая трапеза...

Эли возвратилась домой около трёх ночи. Давным-давно она так поздно не задерживалась на свиданиях. И было ли это свидание? Смутил ли Даниэль её покой? Она не смогла точно ответить. Они даже не целовались. И её руки он коснулся всего дважды – когда гадал и когда знакомились. Через несколько часов ей уже надо на работу, но не спалось. Эли лежала под одеялом и вспоминала прошлое.

2. Линии жизни

Между двумя точками недолгой человеческой жизни – рождения и смерти – можно провести великое множество линий. Прямых и жирных, словно мажорные аккорды. Еле заметных пунктирных. Синусоид с подъёмами и спадами. Парабол и гипербол, уносящихся в бесконечность или бесконечно приближающихся к нулю. Ломаных, спиральных, витиеватых.

Основы жизненной геометрии Эли начала постигать в детстве. Скромный домик её родителей располагался у самого побережья. По утрам, когда она выходила во двор, слышался неумолкающий гул прибоя. Море не пахло, но воздух здесь абсолютно отличался от обычного городского воздуха. С годами, когда Эли навещала маму с папой, домик казался ещё меньше и скромнее, словно бы съёживался, как съёживаются, старея, люди. Но при этом, по мере удаления от него во времени, он становился для Эли всё ближе и роднее. Она хорошо помнила себя лет в одиннадцать-двенадцать, когда надёжность жизни казалась незыблемой. От всего дурного её охраняли родители. И где-то неподалёку, словно ещё одна стена от всяких неприятностей, – бабушка с дедушкой. Впервые она узнала тогда, что такое смерть. То есть, Эли, конечно, видела мёртвые деревья, тела кошек, собак, жуков, ящериц, птиц, она слышала от друзей и подружек, что кто-

то из их родственников умер. Но это было далеко, как бы её не касалось. А детские впечатления сводились обычно к страху перед мёртвым телом или боязнью войти в комнату с трупом, к страшным рассказам про кладбище. Когда же в неполные двенадцать лет девочка Эли увидела неподвижное, восковой бледности тело своей бабушки, лежащее на столе – а всего лишь неделю назад бабушка была розовой, любящей, бесконечно балующей свою внучку, – сердце Эли наполнилось леденящим ужасом и болью, словно часть её самой умерла. Она села тогда обессиленная на стул около мёртвой бабушки и смотрела на неё, даже сквозь неё, по-детски ещё не осознавая неотвратимость и необратимость смерти. По прошествии двух или трёх лет мама взяла её на кладбище. Эли тогда спросила:

– Мапочка, а что там, под землёй?

Мама Эли смутилась от неожиданности, решая, придумать ли что или наскоро рассказать какую-нибудь сказку, но вовремя вспомнила, что дочке уже четырнадцать, и, тяжело вздохнув, сказала:

– Кости да волосы, дочурка, от нашей бабушки, – голос её прервался, и она заплакала.

– Ну, мамочка, не плачь, не надо. Ты-то ведь у меня не умрёшь, я знаю. Ты всегда будешь со мной. Скажи, не умрёшь, правда?

Мама ничего не сказала, а только отрицательно качала головой – мол, нет, не оставлю тебя.

А ещё года через два Эли загрузила, поняв как-то, после очередной прочитанной книги, что не только её милая мамочка, но и она сама должна покинуть этот лучший из миров. Грусть поселилась в ней надолго, пока вечно занятая мамочка не обратила внимания на состояние Эли. Начала её пытаться – что же случилось? – пока дочка, не выдержав, не зарыдала и не рассказала всё. Мама гладила ей волосы и приговаривала: «Успокойся, моя радость, скоро учёные что-нибудь придумают, лекарство от рака и других ужасных болезней, люди тогда будут жить долго-долго, почти вечно». Эту наивную трогательную выдумку рассказывала ей ещё покойная бабушка. Наверное, сказка передавалась из поколения в поколение.

Пролетели, словно миг, ещё несколько сот дней, грусть Эли растворилась, уступив место первой незабываемой любви. Однажды вечером девушка, вся горя от страсти, вдруг вспомнила свою прошлую грусть и мысли о смерти, и рассмеялась, подумав, какая это пошлая вещь – тоска из-за бренности. Да, наверное, любовь создана только для того, чтобы не думать о смерти.

Такой вспомнилась ей линия её жизни до восемнадцати лет. На улице уже запели первые птицы, когда Эли погрузилась в краткий предутренний сон.

3. Энрике

А первой её любовью был Энрике. Первая любовь, как самый дорогой алмаз, лежит у каждого человека в шкатулке памяти. Только с годами туда всё реже и реже заглядывают. С Энрике они встретились в доинтернетовские времена, когда знакомились просто на студенческих вечеринках, в кино, у друзей. В этом парне текло много испанской крови, которая проявлялась в необузданном темпераменте, сразу захватившем Эли. Он был высок и строен, как олень. Самое интересное, что в ту их первую осень он казался ей сотканным из одних достоинств. Кто-то из друзей Энрике пошутил: Энрике, как нарцисс, упивается своей красотой и следит за собой, как женщина. Действительно, у него была длинная коса, чёрная как смоль, миндалевидные глаза, смуглая гладкая бархатистая кожа. Всё это притягивало Эли. А секс с ним был как наркотик, к которому привыкаешь, и хочется ещё и ещё. Он её окончательно покорила, когда предложил посетить Калифорнию. Конечно же, она не была там никогда, а Энрике снисходительно заключил:

– Я не люблю Флориду, она и в подмётки Калифорнии не годится. Поедем на озеро Тау и побудем в Сан-Франциско.

Она держала его за руку, смотрела снизу-вверх, поддакивая:

– Да, да, и я хочу в Калифорнию, особенно с тобой.

Сразу по приезде в Калифорнию, Энрике взял на прокат огромную, в полквартилы, американскую машину, на которой они и начали своё турне. Энрике в тот вечер искрился остроумием. Они ехали по Голден-Гейт Бридж под музыку Иглз.

– Дорогая, посмотри налево. Там огни ночного Фриско, – так по-местному он называл город. – Посмотри направо. Там Тихий океан – самый большой океан в Калифорнии.

Эли смеялась, не выпуская его правой руки и во время езды. В сотый раз за день она говорила ему, как его любит, да и Энрике не отставал, рассыпался в комплиментах:

– Я думаю, если Тихий океан самый большой в Калифорнии, то ты – самая прекрасная девушка этой изумительной страны.

Этим вечером они шли на невероятно фешенебельную вечеринку, которыми Эли совсем не была избалована.

Энрике нацепил чёрную атласную бабочку и фамильный перстень с гигантским рубином. Природный вкус Эли подсказывал ей, как претенциозен перстень, но любовь заглушала эти подсказки. Эли надела чёрное, как чулок, платье.

– Я хочу, чтоб ты была в перчатках, – сказал Энрике, но перчаток не было, и за пару часов до вечеринки они поехали в магазин, и он купил ей дорогие, длинные, до локтей перчатки. Всё шло великолепно. И настроение у Эли и Энрике соответствовало событию. В холле подавали ана-

насы, клубнику и шампанское. После коротких речей около-политических деятелей объявили танцы. Первый танец Эли и Энрике был упоительным. Он обнимал её, шептал что-то на ухо, а она таяла от его близости и очередных комплементов. Уже начали разносить на подносах калифорнийское вино, креветки и суши.

Энрике заговорил с каким-то джентльменом, представил ему Эли. Их разговор продолжался, а Эли отошла чуть в сторону. Когда вновь зазвучала музыка небольшого оркестра из угла зала, к Эли подошёл невысокий и приятный молодой человек и пригласил на танец. Она искала глазами Энрике, но он стоял в пол-оборота к ней, что-то доказывая своему собеседнику. Эли подала кавалеру руку, и они пустились в танец. Прошло не больше минуты, как Эли почувствовала чью-то чужую руку на своём обнажённом плече. Продолжая танец, она оглянулась и увидела искажённое злобой лицо Энрике. В ту же секунду его точный нокаутирующий удар в челюсть повалил партнёра Эли на паркетные полы зала. Изо рта парня брызнула кровь. Музыка сбилась, прервалась. Люди расступились, и два копа заломили руке Энрике, выводя его на улицу. Всё это заняло секунды и было похоже на дешёвый голливудский боевик.

Эли взяла такси до гостиницы, позвонила из номера маме, рассказывая о случившемся. Энрике в её глазах был героем. А мама суховато сказала:

– Доченька, с таким человеком опасно связывать свою

судьбу. Он неуравновешен, не сдержан, будь, пожалуйста, осторожна...

И тут Эли взорвалась. Впервые в жизни она закричала на свою любимую мамочку:

– Ты ничего не понимаешь! Он самый лучший! Самый красивый! И любит меня, как Ромео. А ты желаешь мне несчастья! Ты глупая и ограниченная!

На другом краю океана мама повесила трубку, а Эли в отчаянии зарыдала. Утром в дверь постучали, и Эли после бессонной ночи побежала открывать. Энрике отпустили из полиции под большой залог.

– Так будет с каждым, кто приблизится к тебе, – сказал Энрике. – Поэтому будь осторожна, детка.

– Ты прав, мой хороший, прав. Извини, что я пошла с ним танцевать. Но было скучно, а ты с кем-то так долго разговаривал.

– Я встретил своего товарища и бывшего компаньона.

Так они коротко и дружелюбно объяснились.

Дни после этого происшествия прошли у них в разъездах – и в порывах страсти.

Энрике пришла фантазия снять яхту на пару дней и сделать маленький круиз у западного побережья Штатов. Яхта оказалась фешенебельной, с несколькими парами молодых людей их возраста. Две ночи пролетели в любовных утехах, а два дня в непрерывных развлечениях. Они вернулись в Сан-Франциско, чтобы наутро оставить его.

Был приятный вечер, ласковый тихоокеанский ветерок гулял по улицам города. Эли в номере читала местный журнал, а Энрике вышел. Его не было минут двадцать. Эли решила его поискать и спустилась на лифте в лобби. Выйдя из лифта, она тотчас увидела его сидящим на красном кожаном гостиничном диване рядом с какой-то дамой. Рука Энрике лежала у неё на колене, а второй рукой он поправлял ей волосы за ухом и на виске.

4. Гало

Ревность мгновенно лишила Эли разума. Она бросилась обратно в лифт, повторяя про себя:

– Подлец, подлец! Обманщик!

Хорошо, что никто её не видел в таком состоянии, в амоке, с залитым слезами лицом. Войдя в номер, она начала лихорадочно забрасывать вещи в чемодан, закрыла его на молнию. На столике оставались сиротливо лежать купленные перчатки.

– Пусть знает, что я в нем не нуждаюсь, негодяй!

Энрике не возвращался.

– Очень хорошо! Не желаю его видеть!

Она вошла с чемоданом в лифт. Чтоб не встретить его, поехала наверх и вышла у кафетерия. Приняла нарочито спокойный вид, чтобы не вызывать ненужного любопытства окружающих, и заказала кофе. Отметила время. Голова Эли оставалась абсолютно пустой. Она не знала ещё, куда ей деваться сейчас, но знала точно, что с Энрике расстанется навсегда.

«Есть два варианта, – она потихоньку начала приходить в себя и размышлять. – Либо ехать напрямую в аэропорт и купить билет домой, либо переехать в другую гостиницу».

Только сейчас она вспомнила лицо дамы, сидевшей рядом с Энрике. Кажется, эта женщина плыла с ними на яхте.

Посидев некоторое время в кафе, Эли рискнула спуститься в лобби. Только бы его не встретить – стучало в висках. Нет, в лобби Энрике уже не было. Эли быстро вывезла чемодан на улицу. А там чернокожий служащий в ливрее предупредительно раскрывал дверь такси и затаскивал в багажник чемодан.

– Куда едем, мисс? – спросил водитель.

– Мне нужен недорогой отель в даун-тауне.

– В даун-тауне всё дорого, но могу порекомендовать «Ай-сидору» за парком.

– Хорошо, едем в «Айсидору».

Выйдя из такси, она сразу же столкнулась с чернокожим служащим, почти неотличимым от того, который провожал её в «Эксельсиоре».

«Черт, не галлюцинации ли у меня? Может я вернулась обратно к Энрике?»

– Давайте чемодан, мисс, я вам помогу.

– Погодите, – сказала она, – мне нужно такси.

– Вы же только что отпустили такси.

– Мне нужно ещё одно.

– Хорошо, хорошо, вот стоит рядом.

И Эли повторила манёвр, сменив и эту гостиницу на случай, если Энрике начнёт искать её. Был уже час ночи. Еле живая от усталости и переживаний, Эли повалилась спать.

Её утреннее настроение она сама назвала похоронным, так говорил её дедушка. Ещё бы. Она наговорила маме гад-

стей по телефону, защищая подлеца, который ей же и изменил. Прежде чем спуститься к завтраку, Эли не нашла ничего лучшего, как вынуть из мини-бара пару маленьких бутылочек водки и, не закусывая, осушить их. Потом села на незастланную гостиничную постель и закурила, стараясь так заглушить боль двух разрывов.

В ресторане сидела отрешённая, автоматически пережёвывающая еду. Вдруг к её столику подсел темнокожий мужчина. Он заговорил с ней, пожелал доброго утра и представился: Николас, Ник.

– Сегодня вечером в гостинице будут музыка и танцы.

Видя, что она не откликается на намёк, он прямо пригласил её.

– Ник, спасибо, но у меня не то настроение, чтобы идти на танцы. Да я и не уверена, что хочу провести этот вечер с вами.

– Я и не настаиваю, чтоб со мной. Будет немало моих знакомых, так что вы сможете выбрать любого, если захотите, разумеется.

– Хорошо, я подумаю. До свидания.

Эли, не допив кофе, вернулась в номер. Днём она занималась своим билетом, отложив полёт на несколько дней. Долго набиралась смелости, чтобы позвонить маме.

– Мамочка, извини меня за грубость, – сказала Эли. – С Энрике всё кончено, так что ты, как всегда, права. Расскажу подробно, когда вернусь. Со мной всё нормально. Я хочу

ещё немного побыть в Сан-Франциско.

После обеда она спала, не раздеваясь, и проснулась уже затемно. Умылась, включила телевизор. Взглянула на часы, и вдруг вспомнила утреннее приглашение на танцы. Через двадцать минут начало.

А почему, собственно говоря, нет? Она хочет продолжать наслаждаться жизнью! Друг изменил ей, а у неё есть полное право изменить ему. К тому же, до отлёта она должна пробыть несколько дней в этой гостинице. Неужели ей нужно умереть с тоски в таком прекрасном городе?

И ответила сама себе тем, что быстро сбросила одежду и прыгнула в ванну. Потом долго накладывала косметику, причём ей самой показалось, что переборщила с этим. Одевалась экстравагантно, даже вызывающе. Вечеринка уже началась, но Эли решила немного опоздать. Чтобы провести время, включила телевизор. Ей не сиделось, сегодня ни сигарета, ни виски не успокаивали. Спускаясь вниз, она думала, что в Сан-Франциско начала много курить и пить.

Там внизу уже гремела музыка, было тесно, шумно. Почти сразу же появился Ник, начав знакомить Эли со своими товарищами. Она не запоминала ни одного имени, голова её оставалась пустой от усталости, переживаний, виски и сигарет.

Около двух часов ночи, после непрерывных танцев под музыку транс, Эли отошла в угол зала, взяв стакан колы. К ней подошёл один из знакомых Ника по имени Самюэль.

– Хотите закурить? – спросил он.

– Не откажусь.

– Только эти сигареты с добавкой.

– С какой?

– С очень лёгкой. Марихуана.

– А я года два назад пробовала, абсолютно ничего не почувствовала.

– Попробуйте сейчас, может, через два года подействует.

Она закурила, жадно вдыхая дым и стараясь ощутить действие наркотика.

– Нет, всё как тогда.

– Выкурите ещё одну, если хотите понять марихуану.

Эли курила вторую сигарету подряд, и через некоторое время ей показалось, что подействовало. Наступило расслабление, пришла лёгкость в теле. Она готова была снова танцевать.

В следующие три дня она без перерыва курила марихуану, которую ей давали то Ник, то Самюэль. Почему-то ей захотелось возвращаться домой. Она снова связалась с агентством и отложила на неделю полёт. Для смелости выкурила две сигареты подряд и набрала номер мамы. Разговор с ней выдался нелёгким. Эли применила всё своё красноречие, чтоб успокоить маму, сразу заподозрившую что-то неладное.

В этот же вечер ей впервые дали попробовать экстази. Через неделю Эли снова звонила в агентство, прося отсрочить билет уже на месяц. За это полагался немалый штраф, и Эли

пришлось выложить большую часть своих денег. Кроме того, нужно была решить вопрос с жильём – оставаться больше в гостинице она не могла. Ник помог ей снять недорогую квартиру типа «студия».

«Куда меня несёт?» – возникал иногда непрощенный вопрос, но она заглушала его новой порцией марихуаны. За эту неделю она с помощью новых друзей уже попробовала крэк.

Однажды утром Эли вышла из дома купить кофе. Впереди неё шла пара высоких мужчин. Эли чувствовала себя неплохо после долгого сна, даже песенку напевала. И вдруг вокруг головы одного из идущих впереди она увидела эллипс, отдалённо напоминавший сияние вокруг святых ликов на иконах. Только цвет был какой-то странный, тревожный, с багровыми и серыми тонами. Эли не свернула в магазин, а продолжала идти за парочкой. Ей почему-то вдруг ужасно захотелось увидеть момент, когда исчезнет это странное «гало»^{*1}. Она шла и думала, что слова «гало» и «галлюцинация» имеют один корень.

Она прошла за мужчинами ещё метров триста-четырееста, миновала страховой офис, банк, магазины, и вдруг парень с гало быстро раскрыл свой чемоданчик-кейс, вытащил какую-то штуковину и метнулся в сторону. Эли закричала, понимая, что происходит неладное, но никто не откликнулся.

---

¹ светящееся кольцо вокруг объекта; оптический феномен

«Может я уже с ума схожу от наркотиков?» – подумалось ей.

Потеряв из виду мужчин, Эли повернула назад к дому, не забыв купить свой любимый кофе. Сегодня не буду курить. Хватит, у меня же есть сила воли. Докурилась, уже какие-то чудеса вижу, гало. Ничего и не было в действительности. Правильно, что в банк не зашла, ещё бы в психушку забрали.

День в Сан-Франциско выдался необычно влажный, и Эли собралась в душ, но перед этим автоматически, как обычно делала, включила телевизор. Для неё телевизор был как человек в доме: появлялись звуки, отступало одиночество – известная иллюзия телевизионной эпохи.

Но сейчас полицейские сирены делали шум от телевизора невыносимым. Эли усилила звук. Сирены, оказывается, гудели не только в телевизоре, но и на улице. Передавали экстренное сообщение. Всего несколько минут назад двое неизвестных ворвались в банк и под угрозой оружия вынесли наличными более двадцати миллионов долларов. Сработала видеочкамера, и вот они – фотографии бандитов.

– Боже! – вскрикнула Эли. – Это же они! И вот он, этот тип с гало! Так значит, не зря она видела это кольцо вокруг его головы. Фантастика какая-то!

– Всех, кому что-то известно о событии, просят обратиться в полицию по телефону...

Она обязана пойти, но что сказать? Правду – так никто

не поверит, а если ещё и узнают про наркотики...

5. Гипотеза Вейна

Прошло всего несколько дней после памятного видения, о котором она всё-таки сообщила в полицию, и ей позвонили домой. Мягкий мужской баритон спросил:

– Госпожа Коэн, (это была фамилия Эли), вы можете уделить мне несколько минут?

А так как Эли, несмотря на все её приключения, оставалась правильной и послушной девочкой, помнящей мамнины наставления, она почти без колебания согласилась встретиться в кафе неподалёку от её дома.

Мужчина, который ей позвонил, на деле оказался очень обычным, практически стандартным американцем. Вид его был абсолютно не запоминающимся. Он ей сразу показал удостоверение, но сунул его так близко к глазам, что она ничего не могла прочесть, а попросить объяснить подробнее она не решилась. Но он ей сам всё пояснил.

– Мы не ФБР, но работаем с ними в тесном контакте.

А потом, как бы невзначай, добавил на хорошем иврите:

– Вэ ма ат митковенет лясот кан?^{*2} – и снова перешёл на обычный, без акцента, американский.

– Ани^{**},³ – Эли запнулась от неожиданности, – ани...

---

² И что вы собираетесь делать здесь? (ивр.)

³ я (ивр.)

– Инглиш, плиз ***⁴, – тихо поправил он.

При всей своей неопытности, наивности, Эли взяла себя в руки, сделав вид, что ничего не случилось, и, как ни в чём ни бывало, продолжала беседу.

– Я собираюсь вернуться домой, но у меня пока временные денежные трудности, поэтому я отложила свой полет.

Разговор был недолгим и каким-то размытым, неконкретным. Лишь в конце он сказал:

– Хорошо, я подумаю, как мы можем помочь вам, госпожа Коэн. Вот мой телефон на всякий случай. Но я позвоню вам сам завтра или послезавтра.

Возвращаясь домой, Эли не замечала ничего вокруг из-за мыслей и эмоций, переполнявших её юную голову. Она не могла понять главного: хотят её поймать на наркотиках? Или ко всей компании Ника-Сэма подбираются? Ей стало страшно. Наверное, Ник и Сэм покупают или продают, а это серьёзное преступление. Боже! – подумала она, – что делать, сказать парням, что спецслужбы уже рядом, или нет? Решила подождать всё-таки до следующего звонка агента. Назавтра утром он ей позвонил, назначив повторную встречу в том же месте. Эли хорошо подготовилась, проиграв в уме предстоящий разговор.

– А если я больше не хочу с вами встречаться?

– Это полное ваше право. Но только я боюсь, если вы не пойдёте на контакт, могут пострадать люди, много людей.

---

⁴ Пожалуйста, по-английски (англ.)

К такому повороту она была не готова.

– Поясните, пожалуйста, – попросила она, сама удивившись своей наглости.

– Я отвечу на любой ваш вопрос, госпожа Коэн, но только при встрече.

И не дав ей передохнуть, сказал, как о решённом:

– Мы встретимся сегодня в пять часов в том же кафе, и со мной будет ещё один человек. Не пугайтесь, солидный профессор, он вам понравится. До скорого.

И, не успев выслушать её возражений, отключился.

Эли потеряла покой. Она даже не сообразила, что он дал ей телефон, по которому можно перезвонить ему. И не с кем было посоветоваться. Вдруг она отчётливо поняла, что одна, совершенно одна. И для чего профессор будет на встрече? Всё это бурлило в ней, и ни на одном вопросе она не могла сосредоточиться. Так прошёл день, вернее, пролетел. Почему-то в последний час перед встречей её мучил совершенно женский вопрос: что надеть? В конце концов, за десять минут до выхода она надела самое простое – джинсы и чёрную блузку. И, не наложив косметики, выбежала на улицу.

На этот раз она почему-то волновалась меньше, апатия овладела ею, как говорится – перегорела. А может быть, высокий седовласый мужчина лет шестидесяти так повлиял. Его звали Вейн, профессор Вейн. Вначале, как и в первый раз, разговор шёл как бы ни о чем. Эли решила устроить

проверку агенту и профессору. Будто невзначай, она вдруг вплегла ивритское восклицание – «Ма ихпат ли!» *⁵ И бросила быстрый, но пристальный взгляд на своих собеседников.

– Ху ло мейвин иврит*⁶, – спокойно, без эмоций сказал агент и продолжил беседу.

– Мы внимательно изучили ваше сообщение в полицию после ограбления банка.

У Эли словно груз с души упал – значит не наркотики, слава богу!

– Профессор Вейн – известный специалист в области изучения мозга, памяти, человеческих эмоций, мы попросили его встретиться с вами.

У Вейна было лицо, перерезанное глубокими морщинами, и потому выглядевшее суровым. Но глаза! Глаза поразили Эли сразу же, а сейчас, когда профессор заговорил с ней, голубизна глаз стала напоминать кусочки чистого весеннего неба, озарённого солнцем. Он обратился к Эли тоже спокойно, но не равнодушно, как агент.

– Я знаю весь ваш рассказ о «гало». Полиция записала его на плёнку, когда вы позвонили. Интересно, чрезвычайно интересно! Я изучаю подобные явления много лет и сейчас являюсь консультантом их агентства, – и он кивнул на сидящего рядом. – У меня имеется несколько любопытных теорий по поводу этих вещей, называемых многими паранормаль-

---

⁵ Мне всё равно (ивр.)

⁶ Он не понимает иврита (ивр.)

ными. Я не люблю термина – паранормальный, никто точно не знает, что такое норма в психике. Кстати, я готов поделиться с вами некоторыми соображениями, но вначале одна просьба. Я прошу вас прийти в мою лабораторию и пройти не очень долгое и совершенно безвредное обследование.

– Я боюсь. Я читала, как спецслужбы зомбируют, воздействуя на мозг. Но расскажите, что за исследование?

– Это один из видов электроэнцефалографии, разработанный мной. Оно позволяет регистрировать, а потом и анализировать так называемые минорные ритмы мозга. Я думаю, что в них зарыта собака в случае с вашим гало, как и с другими подобными феноменами.

Хотя Эли ещё и не сказала – да, она уже как бы доверилась Вейну, ей казалось подсознательно, что человек с такими глазами не сможет причинить вреда.

И тут Вейн применил тот же психологический приём, что и его предшественник. Он не стал спорить с ней или доказывать что-то, он просто сказал:

– Я вас жду ровно через два дня в лаборатории, вот визитная карточка. Только прошу вас все эти сорок восемь часов не пить алкоголь, не принимать наркотики и психотропные препараты. Кстати, возьмите листок, там написано, как вести себя – и он протянул Эли маленький флайер с общеизвестной картинкой мозга в верхнем углу.

Самое интересное состояло в том, что Эли – кроме Энрике, разумеется – увлекалась в последнее время психологией

и психоанализом, даже читала в подлиннике Юнга и Адлера. Конечно, разрыв с Энрике привёл её к наркотикам, но сейчас он, а может быть судьба, свели её с Вейном. Профессор сразу покори́л её. И она забыла даже о спецслужбах, агенте, своём «гало», ей хотелось так много спросить у Вейна.

Гипотеза Вейна словно лежала на поверхности, доступная каждому смертному, но далась в руки только ему – небесноглазому гению из Огайо. Пока Эли отдыхала после первой части исследования, профессор сидел неподалёку, перелистывая журнал, посасывая трубочку и излагая своей испытуемой то, что он рассказывал на своих блестящих лекциях в университете.

– Есть два важных момента во всей истории с паранормальными явлениями. Внутренняя предрасположенность, которая существует примерно у одного процента людей на свете, и второе – стимул, способный возбудить необычную способность. Например, способность распознавать пальцами температуру предмета. В этом ничего необычного нет. Но, моя дорогая Эли, у одного индивидуума температурная чувствительность позволяет различить полградуса, а у другого – два. Около одного процента – опять-таки, заметьте это магическое число – могут различать до пяти сотых градуса! Фантастика, правда? Но эти люди уже способны при определённых обстоятельствах раскрыть необычную способность к рецепции тепловых волн. Поверьте мне на слово, но сходная ситуация и с радиоволнами, например,

или с магнитным полем. Вы можете себе представить, что человек чувствует радиоволны? Я не могу. Почти два года я делал эксперименты, тысячи экспериментов. И нашёл. Правда, их меньше, чем в случае с температурой, но двое-трое на тысячу есть, таких гениев чувствительности! Далее мы занялись их рецепторами и способностью мозга обрабатывать информацию. Тогда-то я и обнаружил минорные ритмы. Во всех учебниках вы найдёте только описание четырёх главных мозговых ритмов. А минорные ритмы определяют способности к паранормальному восприятию. Я вас утомил, дорогая.

– Нет, что вы, я будто слушаю фантастический рассказ...

– А вторая часть его связана с так называемыми разрешающими факторами. Оказывается, что только у одного человека с повышенной чувствительностью из тысячи определённые ситуации способны проявить эту чувствительность. Давайте продолжим исследование, Эли.

– Перед тем как сесть в ваш энцефалограф, скажите, профессор, я правильно сосчитала: вероятность моей ситуации – один на несколько сот тысяч?

– Почти. На деле же, раз в десять меньше, один на несколько миллионов. Объясню вам потом, но теперь вы не удивляйтесь, что ваши спецслужбы сразу занялись вами. В вашей маленькой стране таких, как вы, возможно, только несколько человек, да и у нас их не так много.

И Вейн усадил Эли в кресло, установил электроды ей

на голову и включил прибор...

Спустя три дня Эли и Вейн сидели на уютной старомодной лавочке Русского Холма, молча глядя на Алькатрас*⁷ и ожидая Джеймса. Именно так звали агента, необычайно заинтересовавшегося её сверхспособностями. Он должен был подойти с минуты на минуту, а пока профессор рассказывал Эли результаты расшифровки её энцефалограммы.

Джеймс подошёл к ним сбоку так тихо, что они и не заметили. Поздоровались, и он тотчас протянул Эли конверт.

– Тут две важных бумаги. Одна – ваш билет на самолёт, а вторая – контракт между Эли Коэн и нашим агентством. Билет вы можете сразу взять, а контракт подписать, предварительно прочитав его, разумеется.

Голова у Эли немного кружилась, потому что после исследования профессор перевёл её на метадоноподобный препарат, заменяющий наркотики и позволяющий постепенно отказаться от них. Она взяла себя в руки и начала читать. В это время Вейн и Джеймс отошли в сторону, о чем-то негромко разговаривая. В контракте было много всего написано формальным, трудным адвокатским языком. Эли поняла, что ей нужно будет сотрудничать с агентством минимум три года. Зарплата полагалась королевская, равная примерно четырём средним зарплатам в её стране. Были положены бонусы в случае успехов. Через несколько минут Джеймс подо-

---

⁷ Остров в Сан-Франциско с известной тюрьмой, где сидел Аль Капоне.

шёл к Эли.

– Я отпустил профессора, он потом вам позвонит, а мы должны с вами закончить формальности. У вас есть вопросы по контракту?

– Ещё бы! Во-первых, вы уже говорите о нем, как о чём-то решённом. Я даже не поняла из написанного, что вы хотите от меня.

– Госпожа Коэн, если вы вернётесь, то вас почти тотчас должны взять в армию, не так ли?

– Да, мне уже восемнадцать с половиной лет, и я получила перед поездкой в Штаты предписание.

– Так вот, вместо службы в армии, которая защищает страну от враждебного окружения, вы будете служить у нас и заниматься особыми заданиями оборонного характера.

– Поняла идею, но не поняла, как...

– Мы хотим использовать ваши исключительные способности в исключительных целях, например, в поимке опасных врагов – шпионов, террористов. Поэтому вспомните мои прежние слова: если вы откажетесь, то могут пострадать многие.

Чёрт, он знал, на какие кнопки Элиной души нажимать и какие её струны трогать. А чтобы закрепить успех, Джеймс напомнил про зарплату.

– Месячный заработок у нас будет равен вашему годовому заработку в армии, и, если говорить честно, я думаю, вы стоите больше. Я отдельно включил бонусы... – но Эли отклю-

чилась и про бонусы уже не слушала. Лучшее, что она могла сообразить – это попросить дать ей подумать, но она уже знала, что вместо желанной учёбы у Вейна она в ближайшие годы будет служить у Джеймса.

6. От твоего решения зависит всё, девочка...

Та памятная осень выдалась для страны неблагополучной. Да и какое время года, какой год здесь бывали спокойными? Захватили в плен нескольких солдат, и никто толком не знал об их судьбе. Велись многочисленные, но бесплодные переговоры через посредников, тайные и напрямую. Эли с утра вызвали к шефу. Он, как всегда уравновешенный, начал спокойно, издали излагать суть задания. Эли привыкла к его манере. Вначале её раздражала неторопливость, повторы, но как-то он, заметив её реакцию, объяснил, насколько важна логика, холодный расчёт и повторение самых важных, узловых моментов.

– У тебя, как всегда, особая роль, – рокотал голос шефа. – Ты включишься в операцию в точке «Далет» («далет» – условное название этой операции по четвертой букве еврейского алфавита). Сложность в том, что это в самой глубине территорий, и, естественно, численное превосходство будет у них. Есть сведения, что оба наших солдата находятся здесь. По одной версии их держат в простом доме, как все дома вокруг, но больше двух-трёх дней они на одном месте не задерживаются, кочуют. Завтра они должны быть в «далет». У нас там есть сейчас несколько людей. Ты должна знать их в лицо. Смотри! – и он разложил фотографии.

– Этому парню 26 лет. Работает в мастерской по починке машин в районе. Вот его мастерская, а это его машина «Рено». В этом пикапе мы планируем вывезти ребят. Парня зовут Салем. Ночевать будешь в его мастерской, вот в этом закутке, снаружи будет замок. Есть второй выход, но пользоваться им будешь только в условиях, угрожающих жизни, поняла? Около трёх ночи Салем откроет дверь и подгонит пикап задом вплотную к двери, влезешь внутрь. Он отвезёт тебя к месту, это близко, минут шесть-семь езды. Здесь начнётся твоя настоящая миссия. Салем остановится. По нашим расчётам, кто-то должен здесь стоять у них – охрана или наблюдение. Салем выйдет из машины и заговорит с ним. В пикапе есть узкая щель. Ты должна смотреть на того, кто говорит с Салемом, и понять – здесь наши ребята или нет. От твоего решения будет зависеть операция.

Эли тяжело дышала и молчала.

– Тебе страшно, девочка?

– Нет. Но как-то ещё непривычно. Я с ними не работала.

– Салем абсолютно надёжен, как скала. Они забрали двух его братьев в шахиды. Он на очереди. Мы постараемся его спрятать сразу после операции, чтобы они никогда его уже не нашли. Но пока есть время, правда, мало времени, мы должны его использовать. От твоего решения зависит всё. Ты постучишь кулаком в кабинку, когда Салем вернётся и сядет за руль, не раньше и не позже. Один удар – ребята здесь, несколько ударов – их нет. А теперь иди, сосредоточь-

ся. После обеда мы встретимся ещё раз. А в шесть часов вечера тебя повезут.

До рассвета оставалось часа два. Эли промёрзла до самых костей. Она сидела в углу тёмного и ледяного закутка мастерской Салема, ждала. Ожидание, тянувшееся мучительно, сейчас должно будет прерваться. Эли вынула таблетку Вейна, которая растормозит её сверхъестественные способности в нужное время, и проглотила её. Вспомнила, как шеф, напутствуя, сказал ей перед выездом, что эксперты оценивают успех их операции в семьдесят процентов, и добавил:

– Но у тебя, девочка, вернее, у нас с тобой, нет ни одного процента на ошибку.

В густой ночной тишине послышалось приближение машины. Хотя Эли тренировалась, но залезая в заднюю дверь тендера, она всё же запуталась в непривычных длинных одеждах и чуть не упала. Наконец оказалась внутри. Только на мгновение увидела поблёскивающие глаза Салема, когда он закрывал за ней дверь. Ехали недолго, как и предсказывал шеф, минут пять-семь. Наверное, не только от холода, но и от напряжения Эли знобило. Она подсела к узкому горизонтальному окошку, охватывая взглядом несколько домов и тусклые лампочки около них. Салем затормозил, не выключая двигателя, вышел наружу. Она смотрела, как он шёл, вспоминая парочку из Сан-Франциско. Навстречу вышли двое. Мысли Эли понеслись, словно кони вскачь.

У одного из них был автомат, но это ни о чем не говорит, они многие с автоматами. Как он его держит? Наизготовку или нет? О боже, я пытаюсь анализировать ситуацию как обычный человек, а они надеялись на мои сверхъестественные силы! Времени мало, ох как мало времени! Голова её вдруг стала пустой. Она не могла ни думать, ни чувствовать. И внезапно над головой того, с автоматом, появилось нечто. Оно было не похоже на то «гало», а напоминало какие-то волны, чёткие волны, словно завихрения невидимого воздуха. Как будто магнит ускорял частицы. Истекли секунды, и Салем повернулся к машине. Эли нагнулась, чтобы не дай бог никто ничего не заподозрил, пододвинулась по скамейке к кабине, и, когда Салем залез внутрь, она один раз стукнула в стенку. Салем что-то крикнул и вылез наружу с термосом. Всё шло по плану. Втроём они разлили чай по маленьким стаканчикам, и, начав пить его на улице, зашли в дом. Эли в изнеможении легла на скамейку. Ей показалось, что прошла вечность. Она очнулась то ли от сна, то ли от беспамятства, услышав шум и быстрые шаги. Салем открыл дверь и почти силой втолкнул внутрь к Эли две непонятные фигуры. Через мгновение машины тронулась, быстро набирая скорость, по шоссе на север.

Эли знала, что в чае, который наливал Салем охранникам, было сильное быстродействующее снотворное. Ей не полагалось разговаривать с освобождёнными, и главной причиной было её платье и их психическое состояние. Такова бы-

ла инструкция шефа. Но Эли нарушила её. Во-первых, она сдёрнула накидку и паранджу. А потом на родном им языке тихо, но ясно сказала:

– С освобождением вас, ребятаки.

В ответ звякнули кандалы на ногах пленников, и один из них хрипло ответил:

– Спасибо.

Повисла пауза. И вдруг выстрелы очередью прорезали ночь. Салем резко повернул тендер, распахнул окошко из кабины и заорал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.